

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.165.8.066-075

Ю. С. Харитонова*

Автономия цифровых платформ генеративного искусственного интеллекта в регулировании отношений с пользователями

Аннотация. Влияние феномена цифровых платформ на общественные отношения заключается в том числе в том, что операторы платформ начинают конкурировать с государствами за право устанавливать правила для пользователей, к которым относятся почти все участники гражданского оборота, изобретательских и креативных индустрий, потребители контента и т.д. Условная приватизация регулирующего воздействия на общественные отношения на примере анализа правил платформ генеративного искусственного интеллекта для создания разного рода контента требует реакции государства. В отношении правового регулирования цифровых платформ возможно построение такой многоуровневой системы регулирования общественных отношений, которая будет опираться как на общие принципы права, так и на кодифицированные нормы. Дискуссия вокруг концепции цифрового кодекса Российской Федерации позволяет сформулировать подходы для определения тех сфер отношений в цифровой среде, которые подлежат государственному регулированию в нормативных правовых актах, а также тех, которые могут быть урегулированы на уровне «мягкого права» и в рамках договоров операторов платформ и пользователей.

Ключевые слова: цифровое право; цифровая платформа; цифровая экосистема; оператор цифровой платформы; цифровой суверенитет; правила цифровой платформы; «мягкое право»; искусственный интеллект; генеративный искусственный интеллект; цифровой кодекс Российской Федерации.

Для цитирования: Харитонова Ю. С. Автономия цифровых платформ генеративного искусственного интеллекта в регулировании отношений с пользователями // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 8. — С. 66–75. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.165.8.066-075.

© Харитонова Ю. С., 2024

* Харитонова Юлия Сергеевна, доктор юридических наук, профессор, руководитель НОЦ «Центр правовых исследований искусственного интеллекта и цифровой экономики», профессор кафедры предпринимательского права Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова
Ленинские горы, д. 1, 4-й учеб. корпус, г. Москва, Россия, 119991
soviet2009@rambler.ru

Autonomy of Generative AI Digital Platforms in Regulating Relations with Users

Yulia S. Kharitonova, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the REC "Center for Legal Research of Artificial Intelligence and Digital Economy;" Professor, Department of Business Law, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
sovet2009@rambler.ru

Abstract. The impact of the phenomenon of digital platforms on public relations can be explained, inter alia, by the fact that platform operators are beginning to compete with states for the right to set rules for users, which include almost all participants in civil turnover, inventive and creative industries, consumers of content, etc. Conditional privatization of the regulatory impact on public relations, based on the example of analyzing the rules of generative artificial intelligence platforms for creating various kinds of content, urges the State to respond. With regard to the legal regulation of digital platforms, it seems possible to build such a multi-level system of regulation of public relations that can be based on both general principles of law and codified norms. The developing discussion around the concept of the digital code of the Russian Federation allows us to formulate approaches to identify those areas of relations in the digital environment that are subject to state regulation in regulatory legal acts, as well as those that can be regulated at the level of "soft law" and within the framework of contracts between platform operators and users.

Keywords: digital law; digital platform; digital ecosystem; digital platform operator; digital sovereignty; digital platform rules; soft law; artificial intelligence; generative artificial intelligence; digital code of the Russian Federation.

Cite as: Kharitonova YS. Autonomy of Generative AI Digital Platforms in Regulating Relations with Users. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(8):66-75. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.165.8.066-075

Согласно Концепции государственного регулирования цифровых платформ и экосистем Министерства экономического развития РФ¹ «цифровая платформа» — это бизнес-модель, позволяющая потребителям и поставщикам связываться онлайн для обмена продуктами, услугами и информацией (цифровыми сервисами), включая предоставление продуктов/услуг/информации собственного производства» (курсив мой. — Ю. Х.). Также цифровую платформу представляют как новую социальную технологию: «Платформа как группа техноло-

гий, которые используются в качестве основы, обеспечивающей создание конкретизированной и специализированной системы цифрового взаимодействия, является ядром инновационного развития и, соответственно, требует к себе особого внимания с точки зрения правового обеспечения функционирования»². Как *инфраструктурное образование*, обеспечивающее техническую реализацию функциональных возможностей сервисов на базе новых технических решений, включая технологии обработки данных и искусственного интеллекта³, цифровая

¹ Концепция государственного регулирования цифровых платформ и экосистем // URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d31/koncepciya_gos_regulirovaniya_cifrovyh_platform_i_ekosistem/?ysclid=lazqtvwt9z784536434 (дата обращения: 02.02.2024).

² Кашкин С. Ю., Алтухов А. В. В поисках концепции правового регулирования искусственного интеллекта: платформенные правовые модели // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 4 (68). С. 26–40.

³ Данный подход просматривается в актах, посвященных созданию и реализации государственных цифровых платформ. См., например: паспорт федерального проекта «Информационная инфраструктура» (утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 № 9) ; постановление Правительства РФ от 03.06.2019 № 710 «О проведении эксперимента по повышению качества и связанности данных, содержащихся в государственных инфор-

платформа представляет собой аппаратное, программное обеспечение⁴, опосредующее взаимоотношения между разными группами субъектов.

Экономическая мощь, политическое и социальное влияние делают платформы ключевыми игроками в глобальной экономике. Платформы «перестраивают, кажется, каждую область человеческой деятельности — от инноваций до торговли, от культурного производства до социальной организации»⁵. В литературе поднимается вопрос о том, что сегодня платформа — это основная организационная форма развивающейся информационной экономики: «Платформы не выходят на рынки и не расширяют их, они их замещают (и *рематериализуют*)»⁶.

Риски и угрозы растущей экономической силы цифровых платформ нашли отражение в европейском Digital Markets Act, в котором подчеркивается, что характеристиками цифровых платформ являются в том числе «значительная степень зависимости бизнес-пользователей и конечных пользователей, эффекты блокировки, невозможность для конечных пользователей одновременной работы с несколькими поставщиками услуг для одной и той же цели, вер-

тикальная интеграция и преимущества, основанные на больших данных»⁷, что на практике приводит к ограничениям прав и добросовестной конкуренции поставщиков и иных пользователей платформ.

В российской литературе Е. Б. Подузовой была высказана идея о формировании не без участия операторов цифровых платформ «цифровой проекции» правосознания: субъект права, его правосознание, социальное образование первоначально возникают в нецифровом пространстве, в цифровой среде они создают только свою проекцию, не теряя при этом офлайн-свойств⁸.

В продолжение высказанного подхода необходимо подчеркнуть, что власть цифровых платформ сегодня не только проявляется в экономической сфере, но и позволяет говорить об оспаривании власти суверенного государства в сфере установления правил и обеспечения верховенства закона. М. Роблес-Каррильо высказывает обоснованные, на наш взгляд, опасения: «Платформы, похоже, выходят из-под контроля государств и правовых норм»⁹.

Вопросам правового регулирования цифровых платформ посвящено множество исследований как в российской¹⁰, так и в зарубежной

мационных ресурсах» ; постановление ЦИК России от 30.10.2019 № 231/1727-7 «Об Основных направлениях развития Государственной автоматизированной системы Российской Федерации “Выборы” до 2022 года» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Parker G. G., Alstynе M. W. V., Choudary S. P. Platform Revolution: How Networked Markets Are Transforming the Economy and How to Make Them Work for You. N. Y. ; London, 2016. P. 256.

⁵ Cohen J. E. Law for the platform economy // UC Davis Law Review. 2017. No. 51. P. 135.

⁶ Cohen J. E. Op. cit. P. 135.

⁷ Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on contestable and fair markets in the digital sector and amending Directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828 (Digital Markets Act) // URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv%3AOJ.L_.2022.265.01.0001.01.ENG&toc=OJ%3AL%3A2022%3A265%3ATOC (дата обращения: 02.02.2024).

⁸ Подузова Е. Б. Особенности статуса «цифровых» субъектов: цивилистический взгляд // Хозяйство и право. 2021. № 10. С. 21.

⁹ Robles-Carrillo M. Digital Platforms: A Challenge for States? // Platform Economy: Designing a Supranational Legal Framework. Singapore : Springer Nature Singapore, 2020. P. 49–62.

¹⁰ См. подробнее: Основы платформенного и экосистемного права : учеб. пособие / С. Ю. Кашкин, А. О. Четвериков, Н. А. Пожилова ; отв. ред. С. Ю. Кашкин. М., 2022 ; Мажорина М. В. Цифровые платформы и международное частное право, или Есть ли будущее у киберправа? // Lex russica. 2019. № 2. С. 107–120 ; Габов А. В. Цифровая платформа как новое правовое явление // Пермский юридический альманах. 2021. № 4.

литературе¹¹. Для данного исследования мы выбрали наиболее популярные платформы генеративного искусственного интеллекта, на примере которых наиболее ясно видно, как «рематериализация» экономической и творческой среды подчиняется правилам, написанным операторами платформ. Особенность работы таких платформ состоит в том, что в качестве основной услуги предоставляется возможность использовать творческие генеративные инструменты, позволяющие пользователям выражать творческие способности и создавать контент (изображения, музыку, видео и т.д.)¹².

Особенность работы подобного рода платформ состоит в создании контента на основании запросов (промтов) пользователей. При этом контент в подавляющем большинстве случаев не может использоваться в коммерческих целях, если пользователь применил бесплатную версию сервиса. Но в то же время формулировки запросов наравне с отобранным пользователем контентом, наиболее точно удовлетворяющим запросу с позиции пользователя, переходят в доступ оператора цифровой платформы.

Обращает на себя внимание то, что большинство платформ снимает с себя ответственность за качество оказанной услуги. В силу ст. 721 ГК РФ исполнитель должен оказать услуги, качество которых соответствует требованиям, обычно предъявляемым к услугам данного вида. В то же время многие платформы генеративного ИИ закрепляют в пользовательских соглашениях и политиках правило об ограничении ответственности за некачественно оказанные услуги. Например, инструмент платформы «Яндекс» Yandex GPT, работающий на основе генеративной языковой модели для создания текстов,

имеет указание на то, что «Яндекс» не гарантирует генерацию ответа на запрос пользователя и (или) отображение сгенерированного контента в сервисах «Яндекса», а также точность, достоверность, корректность сгенерированного контента; не несет ответственности за содержание информации в сгенерированном контенте. Генерация осуществляется в полностью автоматическом режиме, «Яндекс» не проводит (и не имеет технической возможности проводить) проверку корректности созданного ответа, а также всей информации, находящейся в открытом доступе, положенной в основу обучения модели искусственного интеллекта¹³.

Платформа pdfparser.co «не предоставляет никаких гарантий... или иных условий в отношении качества, пригодности для использования по назначению или иных целей программного обеспечения; pdfparser.co не несет ответственности перед Вами на основании каких-либо представлений (если они не являются мошенническими), или любых подразумеваемых гарантий, или условий, или любых обязанностей по общему праву за любую упущенную выгоду или любые косвенные, специальные или последующие потери, ущерб, затраты, расходы или иные претензии... которые возникают в результате или в связи с предоставлением любых товаров или услуг компанией pdfparser.co... в случае если pdfparser.co будет признана ответственной перед Вами за нарушение настоящего соглашения, Вы соглашаетесь, что ответственность pdfparser.ru ограничивается суммой, фактически уплаченной Вами за услуги или программное обеспечение, которая была рассчитана с учетом данного положения. Настоящим Вы освобождаете pdfparser.co от любых обязательств,

¹¹ См.: *Срничек Н.* Капитализм платформ / пер. с англ. М. Добрякова. М., 2020 ; *Daugareilh I., Degryse C., Pochet P.* The platform economy and social law: Key issues in comparative perspective. ETUI Working Paper 2019.10 ; *Pelzer P., Frenken K., Boon W.* Institutional entrepreneurship in the platform economy: How Uber tried (and failed) to change the Dutch tax law // *Environmental Innovation and Societal Transitions*. 2019. No. 33. P. 1–12.

¹² В основном исследованию подверглись пользовательские соглашения и политики конфиденциальности наиболее популярных платформ, относящихся как к российской, так и к зарубежной юрисдикциям. Полный список популярных ресурсов можно увидеть, например, здесь: URL: <https://journal.tinkoff.ru/short/ai-for-all/?ysclid=Ingiqp9kyt977835755> (дата обращения: 02.02.2024).

¹³ URL: https://yandex.ru/legal/yagpt_termsofuse/ (дата обращения: 02.02.2024).

ответственности и претензий, превышающих данное ограничение»¹⁴.

Платформа Synthesia AI для создания видео с помощью ИИ «ни при каких обстоятельствах не несет перед пользователем ответственность за потерю прибыли, продаж, бизнеса или доходов, потерю ожидаемой экономии (любые расходы, которых клиент ожидает избежать или понести в меньшем размере, чем это было бы в противном случае, по причине использования сервиса), потерю бизнес-возможностей, доброй воли и репутации и др.»¹⁵ в связи с полученным результатом применения генеративного ИИ платформы.

Как отмечает О. Лобель, «компания-платформы... хотят легкого регулирования... они пытаются сформировать нормативное поле»¹⁶ под свои нужды и интересы. Видимо, с этим и связано большое количество ограничений или вообще исключений наступления ответственности операторов платформ по самым разным основаниям.

В то же время развивающаяся тенденция получила критическую оценку исследователей, которые обнаружили, что частные субъекты — операторы цифровых платформ «всё чаще участвуют в регулировании и процедурах, традиционно остававшихся за государствами»¹⁷. Так, операторы платформ самостоятельно определяют контент, который не может быть использован как исходная информация для создания контента, а также контент, который должен быть запрещен к распространению. Например, платформа Character AI ввела список контента и (или) случаев использования контента, которые являются незаконными или запрещены: «Пользователь не имеет права загружать или передавать любой контент, который (i) нарушает право интеллектуальной собственности или другие права собственности любой стороны; (ii) создан без права загрузки в соответствии с каким-либо законом или в рамках договорных

или иных отношений; (iii) содержит программные вирусы или любой другой компьютерный код, файлы или программы, предназначенные для уничтожения или ограничения функциональности любого программного обеспечения, аппаратного обеспечения или телекоммуникационного оборудования; (iv) создает угрозу конфиденциальности или безопасности любого лица; (v) представляет собой нежелательную или несанкционированную рекламу, рекламные материалы, коммерческую деятельность и/или продажи, «нежелательную почту», «спам», «письма счастья», «финансовые пирамиды», «конкурсы», «лотереи» или любую другую форму привлечения; (vi) является незаконным, наносящим вред, угрожающим, оскорбительным, беспокоящим, чрезмерно жестоким, дискредитирующим, вульгарным, непристойным, порнографическим, клеветническим, вторгающимся в частную жизнь другого человека, вызывающим ненависть по расовому, этническому признаку или иным образом вызывающим возражения, или, (vii) по единоличному мнению Character AI, является нежелательным, или ограничивает или запрещает любому другому лицу использовать веб-сайт или услуги, или может подвергнуть Character AI или его пользователей какому-либо ущербу или ответственности любого типа...»¹⁸.

При использовании сервиса Soundraw действия пользователя не должны подпадать под перечисленные в следующих пунктах: «(1) акты использования услуг в незаконных целях; (2) действия, которые нарушают права интеллектуальной собственности, права на портреты, на рекламу или иные права других пользователей, SOUNDRAW или третьих лиц; (3) действия, которые наносят ущерб репутации или авторитету или нарушают конфиденциальность других пользователей, SOUNDRAW или третьих лиц; (4) действия, ведущие к таким пре-

¹⁴ URL: <https://pdfparser.co/legal/terms> ; URL: <https://pdfparser.co/legal/policies> (дата обращения: 02.02.2024).

¹⁵ URL: <https://www.synthesia.io/terms/terms-of-service> (дата обращения: 02.02.2024).

¹⁶ Lobel O. The Law of the Platform // Minnesota Law Review. 2016. Vol. 101. P. 89.

¹⁷ Kochan D. J. The Political Economy of the Production of Customary International Law: The Role of Non-Governmental Organizations in US Courts // Berkeley Journal of International Law. 2004. No. 22. P. 240.

¹⁸ URL: <https://beta.character.ai/tos> ; <https://beta.character.ai/privacy> (дата обращения: 02.02.2024).

ступлениям, как мошенничество; (5) действия по передаче или предоставлению вредоносных программ, таких как компьютерные вирусы, или поощрение их использования; (6) действия по изменению, адаптации, обратному проектированию, декомпиляции или дизассемблированию контента, данных и другого программного обеспечения и т.д., предоставляемых через сервис; (7) действия по фальсификации, удалению или несанкционированному перенаправлению информации других пользователей, SOUNDRAW или третьих лиц; (8) действия, нарушающие законы и правила, настоящие Условия обслуживания или общественный порядок и мораль, или действия, которые способствуют или могут способствовать таким нарушениям; <...> (13) *другие действия, которые SOUNDRAW считает неуместными*¹⁹.

То есть, пытаясь соблюсти требования некоего обобщенного и универсального закона страны, где возможно использование соответствующей платформы, оператор оставляет за собой право широкого усмотрения по многим вопросам доступа к контенту и даже блокировки пользователя. На наш взгляд, это еще раз подтверждает мнение ученых о движении в сторону приватизации деятельности и функций, традиционно относившихся к государственной сфере²⁰, когда операторы цифровых платформ приватизируют часть регулирования общественных отношений, традиционно относящегося к функциям государства. В последнем примере мы видим, что оператор цифровой платформы старается выполнить требования закона в отношении запрета нарушения фундаментальных прав граждан, включая тайну частной жизни, недискриминацию, запрет на возбуждение розни и т.п. Но на фоне трансграничности дея-

тельности операторов цифровых платформ государствам все труднее подчинить их своей юрисдикции. Напротив, цифровые платформы достигают всё большего уровня власти, доходит до того, что их даже определяют как «формирующиеся транснациональные суверены»²¹. В этом проявляется не только экономическая мощь платформ, но и их власть в связи с технологическими возможностями регулирования общественных отношений. В результате государство всё больше нуждается в сотрудничестве с цифровыми платформами для обеспечения соблюдения или исполнения законодательства.

Платформы как возникающие транснациональные суверены описаны в работе Дж. Коэна, который пришел к выводу о том, что «широкий масштаб власти, которую платформы осуществляют над пользователями, и их всё более мощная способность противостоять требованиям правительства и уклоняться от защиты основных прав также поднимают другой набор вопросов, связанных с разделительной линией между властью и суверенитетом. Роль доминирующих платформ в международном правовом порядке всё больше напоминает роль суверенных государств. И, даже уклоняясь от обязательств внутренних правовых режимов, фирмы-платформы активно участвуют в продолжающемся строительстве новых транснациональных институтов и отношений, которые в большей степени отвечают их интересам»²². Также было высказано мнение, что хотя эти частные субъекты не обладают легитимностью, их власть есть форма «виртуального суверенитета»²³.

В российской юрисдикции возможные злоупотребления на стороне операторов цифровых платформ были отражены в правительственной Концепции развития технологий машиночитае-

¹⁹ Soundraw. Условия использования платформы // URL: <https://soundraw.io/terms> ; Лицензионное соглашение (Limited License Agreement) // URL: https://soundraw-server-staging.herokuapp.com/license/Soundraw%20-%20License%20Agreement%208_14.pdf ; Политика конфиденциальности // URL: <https://soundraw.io/privacy> (дата обращения: 02.02.2024).

²⁰ Weiss E. B. Establishing norms in a kaleidoscopic world. Brill, 2020. P. 110–125.

²¹ Cohen J. E. Op. cit. P. 133.

²² Cohen J. E. Op. cit. P. 133.

²³ Kelton M., Sullivan M., Rogers Z., Bienvenue E., Troath S. Virtual sovereignty? Private internet capital, digital platforms and infrastructural power in the United States // International Affairs. 2022. Vol. 98 (6). P. 1977–1999.

мого права, где указывается, что «функционал цифровой платформы определяется ее программным обеспечением, а не размещенными на ней правовыми документами либо действующим законодательством. Указанное расхождение со временем способно привести как к нарушению прав слабой стороны — пользователя цифровой платформы, поскольку функционал цифровой платформы может вводить такого пользователя в заблуждение, скрывать от него необходимую для совершения сделки информацию, либо иным образом нарушать его права, так и самой платформы — в случае совершения пользователем действий, противоречащих законодательству (проблема информационных посредников при нарушении авторских прав пользователями)».

Цифровые платформы как субъекты нормотворчества занимают место в международной системе между негосударственными организациями и этническими меньшинствами и коренными народами. Причем появление платформ среди негосударственных субъектов связывают, как и в случае с иными субъектами международного права, с международной ответственностью за защиту и соблюдение прав человека. Международные нормы сегодня формируются в виде принципов и обычаев «под влиянием глобализации, снижение доминирующей роли суверенного государства и его озабоченности узкими национальными интересами позволило международному сообществу лучше осознать глобальные вызовы и общий или общественный интерес к их решению совместными усилиями»²⁴.

Поэтому все громче звучат голоса о создании специального регулирования цифровых платформ. Рассматривая стратегии юридической

защиты прав потребителей, Э. Л. Сидоренко приходит к выводу, что сегодня фактически начинают формироваться несколько уровней регуляторных подходов — от введения общих принципов работы до детального регулирования отдельных случаев нарушения прав клиентов цифровых платформ²⁵. Наиболее глобальная стратегия связывается автором с формированием принципов развития законодательства на уровне директивного регулирования ЕС или международных организаций вроде Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и т.д.²⁶ Другая стратегия связана с установлением правил и ответственности оператора цифровой платформы и пользователей перед контрагентами. Выделяется и третья ступень более гибкого подхода по определению правил на основе принципов регулирования отношений с применением цифровых платформ.

Представляется, что регулирование отношений с применением цифровых платформ может быть выстроено по принципу проявления суверенитета государства с учетом возможности установления платформой правил для пользователей.

С. Коос подчеркивает, что технологическая глобализация и повсеместное распространение Интернета привели к утрате территориального суверенитета государства и, как следствие, к снижению системного доверия к закону. Техничность всё больше вытесняет право, повышается роль этики в правовой системе развитого цифрового общества²⁷. Некоторые авторы предложили создать правила для платформ, основываясь на кодексах этики. «Различные виды деятельности компаний-платформ оцениваются и наносятся на матрицу манипулирования платформами

²⁴ Delbruck J. Structural changes in the international system and its legal order: international law in the era of globalization // *Swiss Review International & European Law*. 2001. Vol. 1. P. 1.

²⁵ Сидоренко Э. Л. Защита прав пользователей цифровых платформ: основные подходы // *Мировой судья*. 2023. № 1. С. 21–24.

²⁶ Directive 2000/31/EC of the European Parliament and of the Council of 8 June 2000 on certain legal aspects of information society services, in particular electronic commerce, in the Internal Market // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A32000L0031> ; Toolkit for protecting digital consumers. A Resource for G20 Policy Makers. OECD, 2018 // URL: <https://www.oecd.org/internet/consumer/toolkit-for-protecting-digital-consumers.pdf> (дата обращения: 02.02.2024).

²⁷ Koos S. Digital globalization and law // *Lex Scientia Law Review*. 2022. Vol. 6 (1). P. 33–68.

как часть комплексной системы, оценивающей издержки автономии, которые платформы налагают на пользователей. <...> этическая основа, которая будет применяться платформами, пользователями и регулирующими органами с целью сокращения манипулятивных практик, станет «новым кодексом платформы»²⁸. На современном этапе исследователи, предлагающие создать «Платформенный кодекс» (Code of the Platform), выдвигают этику как руководство для индивидуального и организационного поведения платформ — «Этический кодекс в качестве руководства, указывающего, как можно продолжать использовать платформенные технологии, но при этом ответственным и устойчивым образом»²⁹.

Зарубежный подход к этическим кодексам сегодня строится на создании неких обобщений добросовестных практик, которые в то же время воспринимаются как конкретные рекомендации для достижения общественно поддерживаемого баланса интересов. Этические кодексы «концентрируют внимание на важных этических стандартах, определяют ожидания и помогают людям действовать более адекватно»³⁰. Но рекомендательный характер таких правил не дает уверенности в неуклонности их соблюдения. Кроме того, далеко не все операторы цифровых платформ вступают в ряды подписантов этических кодексов.

В отношении правового регулирования цифровых платформ возможно построение такой многоуровневой системы регулирования общественных отношений, которая будет опираться как на общие принципы права, так и на кодифицированные нормы. Большинство платформ общего назначения запрещают или ограничивают порнографию, демонстрацию крайнего насилия, домогательства, язык ненависти, демонстрацию членовредительства и пропаганду употребления наркотиков, что соответствует законодательству большинства стран. Но за пределами прямого регулирования закона остаются и восполняются на уровне пользовательских соглашений и поли-

тик практики упорядочения процессов ограничения доступа/ распространения или удаления контента.

Ответом на поставленные вопросы по созданию правил правообразования на платформах может стать Цифровой кодекс Российской Федерации.

Согласно концепции федерального закона «Цифровой кодекс Российской Федерации», проходящей общественное обсуждение в России, установление системного и функционально полного правового регулирования общественных отношений, возникающих при формировании, обороте, потреблении и защите информации, в том числе с использованием информационно-коммуникационных (цифровых) технологий и связи, необходимо на современном этапе развития общественных отношений в виртуальной реальности. В соответствии с концепцией Кодекс призван регулировать систему отношений в цифровой среде, включающую в себя отношения, связанные с созданием и использованием цифровых сервисов, построением цифровых экосистем и участием в них. В Цифровом кодексе могут быть урегулированы правовые статусы субъектов отношений с использованием платформ, а также правила доступа к цифровым сервисам.

Право для экономики платформ вокруг нас; пришло время обратить на это внимание³¹. Развивающаяся дискуссия вокруг концепции Цифрового кодекса РФ позволяет сформулировать подходы для определения тех сфер отношений в цифровой среде, которые подлежат государственному регулированию в нормативных правовых актах, а также тех, которые могут быть урегулированы на уровне «мягкого права» и в рамках договоров операторов платформ и пользователей. Введение в Цифровой кодекс правил, адресованных платформам и экосистемам, позволит ограничить произвол операторов цифровых платформ в регулировании общественных отношений. В то же время

²⁸ Stemler A., Perry J. E., Haugh T. The code of the platform // Georgia Law Review. 2009. Vol. 54. P. 605.

²⁹ Stemler A., Perry J. E., Haugh T. Op. cit. P. 605.

³⁰ Cohen J. E. Op. cit. P. 204.

³¹ Cohen J. E. Op. cit. P. 204.

необходимо сохранить и те сферы, где операторы цифровых платформ смогут быть самостоятельными в выработке правил работы с учетом позиций различных игроков на рынке, по принципам саморегулирования.

Правовые институты должны меняться в соответствии с требованиями времени, и поэтому вполне логично, что восхождение платформ должно порождать новые правоотношения и новое институциональное урегулирование.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Габов А. В.* Цифровая платформа как новое правовое явление // Пермский юридический альманах. — 2021. — № 4. — С. 13–82.
2. *Кашкин С. Ю., Алтухов А. В.* В поисках концепции правового регулирования искусственного интеллекта: платформенные правовые модели // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2020. — № 4 (68). — С. 26–40.
3. *Мажорина М. В.* Цифровые платформы и международное частное право, или Есть ли будущее у киберправа? // *Lex russica*. — 2019. — № 2. — С. 107–120.
4. Основы платформенного и экосистемного права : учеб. пособие / С. Ю. Кашкин, А. О. Четвериков, Н. А. Пожилова ; отв. ред. С. Ю. Кашкин. — М., 2022. — 112 с.
5. *Подузова Е. Б.* Особенности статуса «цифровых» субъектов: цивилистический взгляд // *Хозяйство и право*. — 2021. — № 10. — С. 17–28.
6. *Сидоренко Э. Л.* Защита прав пользователей цифровых платформ: основные подходы // *Мировой судья*. — 2023. — № 1. — С. 21–24.
7. *Срничек Н.* Капитализм платформ / пер. с англ. М. Добрякова. — М., 2020. — 125 с.
8. *Cohen J. E.* Law for the platform economy // *UC Davis Law Review*. — 2017. — Vol. 51. — P. 133–204.
9. *Daugareilh I., Degryse C., Pochet P.* The platform economy and social law: Key issues in comparative perspective. ETUI Working Paper 2019.10. — 146 p.
10. *Delbruck J.* Structural changes in the international system and its legal order: international law in the era of globalization // *Swiss Review International & European Law*. — 2001. — Vol. 1. — P. 1–36.
11. *Johnson C. E.* Meeting the Ethical Challenges of Leadership: Casting Light or Shadow. — 2018.
12. *Kelton M., Sullivan M., Rogers Z., Bienvenue E., Troath S.* Virtual sovereignty? Private internet capital, digital platforms and infrastructural power in the United States // *International Affairs*. — 2022. — Vol. 98 (6). — P. 1977–1999.
13. *Kochan D. J.* The Political Economy of the Production of Customary International Law: The Role of Non-Governmental Organizations in US Courts // *Berkeley Journal of International Law*. — 2004. — No. 22. — P. 200–240.
14. *Koos S.* Digital globalization and law // *Lex Scientia Law Review*. — 2022. — Vol. 6 (1). — P. 33–68.
15. *Lobel O.* The Law of the Platform // *Minnesota Law Review*. — 2016. — Vol. 101. — P. 87–166.
16. *Parker G. G., Alstyne M. W. V., Choudary S. P.* Platform Revolution: How Networked Markets Are Transforming the Economy and How to Make Them Work for You. — N. Y. ; London, 2016.
17. *Pelzer P., Frenken K., Boon W.* Institutional entrepreneurship in the platform economy: How Uber tried (and failed) to change the Dutch tax law // *Environmental Innovation and Societal Transitions*. — 2019. — No. 33. — P. 1–12.
18. *Robles-Carrillo M.* Digital Platforms: A Challenge for States? // *Platform Economy: Designing a Supranational Legal Framework*. — Singapore : Springer Nature Singapore, 2020. — P. 49–62.
19. *Stemler A., Perry J. E., Haugh T.* The code of the platform // *Georgia Law Review*. — 2009. — Vol. 54. — P. 605–662.
20. *Weiss E. B.* Establishing norms in a kaleidoscopic world. — Brill, 2020. — 544 p.

Материал поступил в редакцию 4 февраля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Gabov A. V. Tsifrovaya platforma kak novoe pravovoe yavlenie // Permskiy yuridicheskiy almanakh. — 2021. — № 4. — S. 13–82.
2. Kashkin S. Yu., Altukhov A. V. V poiskakh kontseptsii pravovogo regulirovaniya iskusstvennogo intellekta: platformennye pravovye modeli // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2020. — № 4 (68). — S. 26–40.
3. Mazhorina M. V. Tsifrovye platformy i mezhdunarodnoe chastnoe pravo, ili Est li budushchee u kiberprava? // Lex russica. — 2019. — № 2. — S. 107–120.
4. Osnovy platformennogo i ekosistemnogo prava: ucheb. posobie / S. Yu. Kashkin, A. O. Chetverikov, N. A. Pozhilova; otv. red. S. Yu. Kashkin. — M., 2022. — 112 s.
5. Poduzova E. B. Osobennosti statusa «tsifrovyykh» subektov: tsivilisticheskiy vzglyad // Khozyaystvo i pravo. — 2021. — № 10. — S. 17–28.
6. Sidorenko E. L. Zashchita prav polzovateley tsifrovyykh platform: osnovnye podkhody // Mirovoy sudya. — 2023. — № 1. — S. 21–24.
7. Srnichek N. Kapitalizm platform / per. s angl. M. Dobryakova. — M., 2020. — 125 s.
8. Cohen J. E. Law for the platform economy // UC Davis Law Review. — 2017. — Vol. 51. — P. 133–204.
9. Daugareilh I., Degryse, C., Pochet, P. The platform economy and social law: Key issues in comparative perspective. ETUI Working Paper 2019.10. — 146 p.
10. Delbruck J. Structural changes in the international system and its legal order: international law in the era of globalization // Swiss Review International & European Law. — 2001. — Vol. 1. — P. 1–36.
11. Johnson C. E. Meeting the Ethical Challenges of Leadership. — 2018.
12. Kelton M., Sullivan M., Rogers Z., Bienvenue E., Troath S. Virtual sovereignty? Private internet capital, digital platforms and infrastructural power in the United States // International Affairs. — 2022. — Vol. 98 (6). — P. 1977–1999.
13. Kochan D. J. The Political Economy of the Production of Customary International Law: The Role of Non-Governmental Organizations in US Courts // Berkeley Journal of International Law. — 2004. — No. 22. — P. 200–240.
14. Koos S. Digital globalization and law // Lex Scientia Law Review. — 2022. — Vol. 6 (1). — P. 33–68.
15. Lobel O. The Law of the Platform // Minnesota Law Review. — 2016. — Vol. 101. — P. 87–166.
16. Parker G. G., Alstyn M. W. V., Choudary S. P. Platform Revolution: How Networked Markets Are Transforming the Economy and How to Make Them Work for You. — N. Y. ; London, 2016.
17. Pelzer P., Frenken K., Boon W. Institutional entrepreneurship in the platform economy: How Uber tried (and failed) to change the Dutch taxi law // Environmental Innovation and Societal Transitions. — 2019. — No. 33. — P. 1–12.
18. Robles-Carrillo M. Digital Platforms: A Challenge for States? // Platform Economy: Designing a Supranational Legal Framework. — Singapore: Springer Nature Singapore, 2020. — P. 49–62.
19. Stemler A., Perry J. E., Haugh T. The code of the platform // Georgia Law Review. — 2009. — Vol. 54. — P. 605–662.
20. Weiss E. B. Establishing norms in a kaleidoscopic world. — Brill, 2020. — 544 p.